

Шерстнёва Екатерина Сергеевна

ОБЪЕКТИВАЦИЯ РОЛИ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В данной статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа отрывка из произведения Р. М. Рильке "Из жизни венецианского гетто" и его переводов на английский и русский языки раскрывается взаимосвязь поверхностно-глубинных уровней текста и их влияние на процесс и результат аналитической реструктуризации подлинника переводчиком. Делается вывод об уместности переводческих трансформаций оригинала, мотивированных исключительно речевой ситуацией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 197-201. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

должно прийти до подданных, вестник, несмотря на все усилия, оказывается не в состоянии донести ее до народа: «Ты же, сидя у своего окна, воображаешь себе эту весть, когда приходит вечер» [Там же, с. 19].

Исследование рецепции китайской культуры в творчестве Франца Кафки – одного из самых загадочных писателей во всей мировой литературе – представляется перспективным, поскольку позволит коснуться еще одной грани его таланта. Рассказ-притча «Как строилась Китайская стена» лишена поучительности, Кафка, как нам кажется, пытается и в этом тексте предостеречь человечество от возможных бед. Китай у Кафки лишен реальности – это абсолютная метафора, постичь границы этой метафоры чрезвычайно сложно.

Список литературы

1. **Беньямин В.** Франц Кафка. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 240 с.
2. **Бланшо М.** От Кафки к Кафке / пер. с фр. и послесловие Д. Кротовой. М.: Логос, 1998. 240 с.
3. **Затонский Д. В.** Франц Кафка и проблемы модернизма. М.: Высшая школа, 1972. 138 с.
4. **Канетти Э.** Другой процесс. Франц Кафка в письмах к Фелице / пер. с нем. и послесловие М. Рудницкого // Иностранная литература. 1993. № 7. С. 141-195.
5. **Кафка Ф.** Как строилась Китайская стена / пер. с нем. В. Станевич, Е. Маркович. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 224 с.
6. **Седелник В. Д.** Франц Кафка // История австрийской литературы XX века. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. Т. 1. Конец XIX – середина XX века. С. 280-309.
7. **Шастина Е. М.** Рецепция китайской культуры в творчестве Элиаса Канетти // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8. Ч. 2. С. 200-205.
8. **Bennig W., Petropoulou E.** Vier Achsen für die Interpretation von Franz Kafkas Fragment *Beim Bau der chinesischen Mauer* // Neuphilologus. 2012. October. Volume 96, Issue 4. P. 583-592.
9. **Binder H.** Kafka-Kommentar zu sämtlichen Erzählungen. München: Winkler Verlag, 1977. 346 S.
10. **Greiner B.** Hinübergehen in das Bild und Errichten der Grenze: Der Mythos vom chinesischen Maler bei Bloch und Benjamin und Kafkas Erzählung „Beim Bau der chinesischen Mauer“ // J. Wertheimer, Susanne Göbe (Hg.). Zeichen Lesen, Lese-Zeichen: Kultursemiotische Vergleiche von Leseweisen in Deutschland und China. Tübingen. 1999. S. 175-199.
11. **Nakazawa H.** Über *Die Chinesische Mauer* // Chinesisch-japanisches Germanistentreffen Beijing. 1990. Dokumentation der Tagungsbeiträge. International Culture Publishing Corporation, 1994. S. 77-95.
12. **Meng W.** Kafka und China. Iudicium-Verlag, 1986. 288 S.

“CHINESE ASPECT” IN THE CREATIVE WORK OF FRANZ KAFKA

Shastina Marina Vladimirovna

Elabuga Institute of Kazan Federal University

shastina@rambler.ru

The article examines the reception of China in the creative work of the German writer Franz Kafka (1883-1924). By the material of the story “The Great Wall of China” (1917) the possibilities of the interpretation of the Chinese aspect in the writer’s creative heritage are shown. China appears in the form of a metaphor, which allows revealing implicit meanings, particularly, the absurdity of objective reality.

Key words and phrases: story-parable; reception of China; the image of the Great Wall of China; Chinese aspect; metaphor; demetaphorization.

УДК 81'255.2

Филологические науки

В данной статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа отрывка из произведения Р. М. Рильке «Из жизни венецианского гетто» и его переводов на английский и русский языки раскрывается взаимосвязь поверхностно-глубинных уровней текста и их влияние на процесс и результат аналитической реструктуризации подлинника переводчиком. Делается вывод об уместности переводческих трансформаций оригинала, мотивированных исключительно речевой ситуацией.

Ключевые слова и фразы: художественный перевод; речевая ситуация; глубинные и поверхностные структуры; переводческое решение; авторский замысел.

Шерстнёва Екатерина Сергеевна, к. филол. н.

Северо-Восточный государственный университет

rector@svgu.ru

ОБЪЕКТИВАЦИЯ РОЛИ РЕЧЕВОЙ СИТУАЦИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ®

Как известно, переводчик художественного произведения стремится воссоздать в переводе семантико-стилистические параметры, коммуникативно-прагматическую направленность и сам дух оригинала. Данная

задача осложняется многими факторами, включая сложность адекватного восприятия грамматических взаимоотношений и смыслового значения слов и словосочетаний оригинала, необходимость комплексного подхода к соотношению значений в оригинале и переводе, а также проблематичность трансформации полученного материала для максимально точной и естественной передачи исходной информации на языке перевода. Достаточное количество исследований посвящается рассмотрению определяющего влияния основополагающих параметров и характеристик исходного текста на перевод на язык реципиента произведения (А. Д. Швейцер, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, М. П. Брандес, Т. Р. Левицкая, В. Н. Базылев, Ю. А. Сорокин, Л. С. Макарова, Т. А. Фесенко, М. Снелл-Хорнби, С. Басснетт, А. Лефевр, М. К. Халлидей и др.). Одним из таких параметров признается речевая ситуация как стержневой элемент в процессе аналитической реструктуризации подлинника.

Речевые ситуации обладают набором определенных системообразующих референций, позволяющих рассматривать текст на поверхностном и глубинном уровнях в содержательном и языковом аспектах, а также делать выводы о тесной взаимосвязи глубинного и поверхностного уровней структуры текста и влиянии этой связи на процесс и результат перевода.

Данным утверждением объясняется настоятельная необходимость в исследовании влияния поверхностно-глубинных структур на воссоздание художественного произведения на языке реципиента в процессе их экспликации на структурно-семантическом, когнитивном и коммуникативно-концептуальном уровнях.

Существует четыре типа речевых ситуаций, относящихся к поверхностному уровню текста:

1. микротематический, идентифицирующий инвариант;
2. тематический, идентифицирующий смысловую стержень, формирующий единое смысловое ядро;
3. макротематический, идентифицирующий ряд смысловых ядер в единое центральное звено;
4. контекстуальный, идентифицирующий все центральные звенья в смысловом узел [4, с. 56].

Следовательно, текст представляет собой абсолютное образование, сотканное из всех входящих в него текстовых сегментов.

На глубинном уровне следует подвергать рассмотрению имплицитное выражение психолого-мировоззренческих идей автора, где исходной семантической единицей является инвариант как носитель основного семантико-логического содержания, опосредующий описание действительности, преломленной сквозь призму субъективной оценки автора [7, с. 151].

Процесс художественного перевода как репрезента неканонической коммуникативной ситуации осложняется тем, что исходный текст, отражающий коммуникативную деятельность, мировоззрение, опыт и систему знаний продуцента (автора) и мотивирующий коммуникативную деятельность реципиента (читателя), воспроизводится посредством создающей, творческой и синтезирующей деятельности переводчика с учетом различий систем, норм и узусов языков оригинала и перевода и дифференциала в значениях и опыте у автора оригинала и читателя перевода [6, с. 82-83].

С целью определения влияния компонентов речевой ситуации оригинала на перевод и переводчика рассмотрим художественное произведение Р. М. Рильке «Geschichten vom lieben Gott» («Истории о Господе Боге») и его переводы на английский и русский языки. «Истории о Господе Боге» не похожи на другие произведения писателя. Прежде чем приступить к анализу воздействия на перевод семантико-ситуативных аспектов, отметим, что исследуемое произведение имеет весьма противоположные оценки критиков и рилькевдов, поскольку одни утверждают, что оно было написано в подражание Л. Н. Толстому, а именно его сказкам и притчам, где главной темой выступает тема Бога и проблема искусства [2, с. 114-115]. Другие утверждают, что в произведении нашли отражение детские впечатления Рильке, «экзальтированная религиозность» его матери [5, с. 42, 44]. К. М. Азадовский, в свою очередь, говорит о прозаическом параллелизме «Историй о Господе Боге» с «Часословом» Р. М. Рильке [1, с. 284-298]. Однако все исследователи сходятся во мнении о том, что «Историям о Господе Боге» присущ единый повествовательный стиль и неизменная религиозная тематика. Скажем о том, что намеренно упрощенный язык «Историй о Господе Боге» избран автором не случайно. Дело не только в языке произведения, но и в том, какие идеи им выражаются, о чем говорит автор, когда утверждает, что говорит о Боге. Точка зрения, что книга рассчитана только на детей, не совсем верна, поскольку важность религиозной тематики в творчестве автора сложно переоценить.

В данном исследовании обратимся к фрагменту одной из историй под названием «Eine Szene aus dem Ghetto von Venedig» («Из жизни венецианского гетто»). Выбранный эпизод является довольно иллюстративным в плане перевода в контексте речевой ситуации, а также в плане присутствия в нем ярко выраженных поверхностных и глубинных структур.

Позволим себе привести данный отрывок и его переводы на английский и русский языки:

Eine Szene aus dem Ghetto von Venedig

“Sie reisen manchmal?”

“O ja, – erwiderte ich, etwas zerstreut, – das kann wohl sein”.

Nun fuhr er vertraulich fort: “Ich glaube, wir sind die beiden einzigen hier, die in Italien waren”. “So, – ich bemühte mich etwas aufmerksamer zu sein, – ja, dann ist es allerdings dringend notwendig, daß wir miteinander reden”.

Herr Baum lachte. “Ja, Italien – das ist doch noch etwas. Ich erzähle immer meinen Kindern – zum Beispiel nehmen Sie Venedig!”

Ich blieb stehen: “Sie erinnern sich noch Venedigs?”

“Aber, ich bitte Sie, – stöhnte er, denn er war etwas zu dick, um sich mühelos zu entrüsten, – wie sollte ich nicht – wer das einmal gesehen hat – diese Piazzetta – nicht wahr?”

“Ja, – entgegnete ich, – ich erinnere mich besonders gern der Fahrt durch den Kanal, dieses leisen lautlosen Hingleitens am Rande von Vergangenheiten”.

“Der Palazzo Franchetti”, – fiel ihm ein.

“Die Cà d’Oro”, – gab ich zurück.

“Der Fischmarkt –”

“Der Palazzo Vendramin –”

“Wo Richard Wagner”, – fügte er rasch, als ein gebildeter Deutscher hinzu.

Ich nickte: “Den Ponte, wissen Sie?”

Er lächelte mit Orientierung: “Selbstverständlich, und das Museum, die Akademie nicht zu vergessen, wo ein Tizian...” [9, S. 89-90].

A Scene from the Ghetto of Venice [10, p. 67-68] (перевод М. Д. Херпер Нортон)	Из жизни венецианского гетто [8, с. 193-194] (перевод Е. Борисова)
<p>“You travel sometimes?” “Oh, yes – I answered, rather vaguely, “I very well may.” Then he went on confidentially: “I believe we are the only two here who have been in Italy.” “Indeed –” I made an effort to be a little more attentive, “well, then of course it is urgently necessary that we should talk together.” Herr Baum laughed. “Italy, to be sure – that really is something. I am always telling my children. – Take Venice for example! I stopped. “You still remember Venice?” “But, I put it to you,” he groaned, for he was rather too stout to become indignant without exertion, “how could I fail to? When you’ve once seen it – that Piazzetta – don’t you agree?” “Yes,” I answered, “I remember with particular pleasure the ride through the Canal, that soft soundless gliding along the borders of things past.” “The Palazzo Franchetti!” he exclaimed. “The Cà d’Oro –” I rejoined. “The Fishmarket –” “The Palazzo Vendramin –” “Where Richard Wagner –” he, as a German of culture, hastily added. I nodded. “The Ponte, you remember?” He smiled, well oriented. “Of course, and the Museum, not to forget the Academy, where a Titian...”</p>	<p>– Вы иногда путешествуете? – О да, – ответил я несколько рассеянно, – случается. – Я полагаю, – продолжал он доверительно, – мы тут единственные, кто побывал в Италии... Я постарался быть внимательнее. – Стало быть... да, это значит, что нам совершенно необходимо иногда беседовать. – Господин Баум дружелюбно посмеялся. – Да, Италия – это нечто особенное! Я всегда рассказываю моим детям... Взять, к примеру, хотя бы Венецию... Я остановился. – Вы еще помните Венецию? – Помилуйте, – простонал он: он был несколько излишне дороден, чтобы вознегодовать беспрепятственно, – неужели же нет! Кто один раз увидит... Эта Piazzetta [Площадь (итал.)] – не правда ли? – Да, – ответил я сочувственно, – я с особенным удовольствием вспоминаю прогулку по каналам, это неторопливое, беззвучное скольжение вдоль самой истории. – А Palazzo Franchetti! [Дворец Франчетти (итал.)] – воскликнул он. – А Ca d’Oro! [Золотой дворец (итал.)] – подхватил я. – Рыбный рынок! – Palazzo Vendramin! [Дворец Вендрамин (итал.)] – Где Рихард Вагнер... – не преминул он вставить, как образованный немец. Я кивнул: – А Ponte [Мост (итал.)], помните? Он понимающе улыбнулся: – Ну как же, и музей, разумеется, и академия, незабываемая академия, где Тициан...</p>

Представленный в данном фрагменте диалог происходит между г-ном Баумом и повествователем, причем читатель не вводится в курс дела о рассказчике, однако перед началом диалога приводится краткая справка о социальном статусе его собеседника, г-на Баума, который был «домовладельцем, окружным старостой, почетным председателем...» [Там же, с. 193].

Приведённый отрывок и его переводы иллюстрируют тематическую речевую ситуацию, то есть представляют собой поверхностную текстовую структуру второго уровня. В данной речевой ситуации присутствует логический стержень (факт путешествия обоих собеседников в Италию и связанные с этим незабываемые впечатления), на который нанизывается содержание ответа рассказчика и его отношение к вопросу г-на Баума: “Sie reisen manchmal?” / (Вы иногда путешествуете?) [здесь и далее по тексту перевод наш – Е. Ш.]. Следует сказать также о том, что перед началом диалога читатель понимает, что несмотря на тот факт, что собеседники являются практически соседями и видятся почти ежедневно, это первый случай их общения, инициированный некоторыми услышанными г-ном Баумом разговорами между рассказчиком и его другом, жильцом этого самого господина.

Переходя к анализу художественного отрывка из «Eine Szene aus dem Ghetto von Venedig» на поверхностном лексико-грамматическом уровне, можно говорить о том, что лексические единицы, используемые Р. М. Рильке, соответствуют ситуации общения и выражают сопутствующее данной ситуации настроение гармоничности и позитивной оценки обсуждаемого: лексемы *noch etwas* / (это нечто), *besonders gern* / (особенно охотно) подтверждают это. Тональность согласия прослеживается не только в диалоговых репликах, но и в комментариях рассказчика: *vertraulich* / (доверительно), *aufmerksamer* / (внимательнее), *lachte* / (засмеялся), *meinen Kindern* / (мои дети). Также в речи автора используются глаголы, придающие диалогу динамичность, среди них: *entgegenen* / (ответить), *einfallen* / (воскликнуть), *zurückgeben* / (подхватить), *rasch fügen* / (спешно добавить). В результате их употребления создается впечатление, будто собеседники понимают друг друга с полуслова, активно перехватывая инициативу в выражении эмоций.

Вся упомянутая лексика привносит в повествование ноты доверительности и взаимоуважения. В англоязычном переводе эта ситуативно-образующая лексика употребляется без каких-либо семантических трансформаций, в то время как в русскоязычном варианте наблюдаются некоторые отклонения от оригинала. Используемые Е. Борисовым приемы добавления и опущения в переводе: *lachte / дружжелюбно посмеялся, rasch fügen / не преминул вставить* не могут быть оправданы с точки зрения сторонников семантической модели перевода, однако в данной ситуации речевого общения, по нашему мнению, они являются структурно мотивированными.

Синтаксический уровень также имеет свои особенности. Так, к примеру, немецкое *ist doch noch etwas*, где ключевой в выражении эмоциональности синтагмы является непереводаемая частица *doch*, безупречно передается на английский язык с помощью эмфатической конструкции *that really is something*. В то же время в русскоязычном переводе имеет место трансформация на синтаксическом уровне в виде восклицательного предложения: *это нечто особенное!* Как будет понятно из нашего дальнейшего анализа, можно предположить, что русский переводчик не случайно обращается к такой книжной формулировке – им движет стремление подчеркнуть всю интеллигентность и дородность собеседника. Поскольку простое – *это действительно что-то* – не имело бы намеченного эффекта, переводчик предпочитает изменить форму высказывания, не изменяя его ситуативную наполненность. Разделительный вопрос *nicht wahr?* также получает соответствующие переводные эквиваленты *don't you agree?* и *не так ли?*

В морфологическом аспекте текст также интересен. Междометия *o, ja, so*, наречие *selbstverständlich* добросовестно введены в перевод: *oh, yes, indeed, of course*, а также и в русском варианте *о, да, стало быть* и лексически избыточное *ну как же, <...> разумеется*. Последнее, вероятно, может быть оправдано тем же самым влиянием эмоциональности речевой ситуации.

Эти примеры свидетельствуют о воздействии образа героя на выбор переводчика. В данном случае такие черты героя, как вежливость, образованность и интеллигентность, находят свое отражение в выборе переводчиком лексико-синтаксических трансформаций речи персонажа с целью сохранения его соответствия ситуации речи, изображенной в оригинале.

На языковом глубинном уровне следует отметить ритмичность диалога, в частности его второй части, представляющей собой череду назывных предложений, связанных при помощи вышеупомянутых глаголов, обладающих потенциалом динамичности. Представленный диалог весьма интересен своей структурой и нацелен на установление межличностных отношений. Это так называемый диалог-унисон, характеризующийся гармоничным речевым поведением говорящих, согласованностью их коммуникативных намерений, положительной оценочностью высказываний, искренностью [3, с. 94]. Структуру диалога схематично можно представить в последовательности нескольких ситуативных типов диалогических единств: вопрос – ответ → сообщение – вопрос → сообщение – сообщение. Эта структура полностью воссоздана в переводах.

Поскольку содержательная информация поверхностного уровня была нами обозначена в самом начале анализа отрывка, перейдем к рассмотрению содержательной информации на глубинном, содержательно-концептуальном уровне и особенности ее воссоздания в переводах.

Следует отметить, что данный отрывок представляет собой вводную часть к объемному монологу главного героя, формируя в комплексе с ним речевую ситуацию контекстуального уровня, где концепцию произведения можно выразить вкратце как историко-культурный набросок жизни севера Италии, с ее комбинацией изысканности и бедности, религиозности и суеверия, простоты и умудренности опытом. В контексте этой гипотезы исследуемый диалог играет роль своеобразного проводника, позволяя читателю проникнуться духом Италии, настроиться на соответствующую лирическую тональность.

Использованный Р. М. Рильке итальянский язык для обозначения культурных памятников Венеции синергично вписывается к ткань немецких предложений и усиливает эффект, еще больше погружая читателя в атмосферу этой страны. Это свидетельствует о взаимовлиянии и взаимозависимости глубинных и поверхностных структур текста. Данные особенности воссозданы также и в переводе М. Д. Хертер Нортон, где итальянские слова получают английские артикли. Довольно изящно решает эту задачу Е. Борисов, предлагая вместе с итальянским словом его русский перевод, что сохраняет авторский замысел, давая реципиенту переводного произведения возможность одновременно воспринять концепцию произведения и адекватно понять содержание.

Таким образом, в переводах исследуемого нами фрагмента реализуется неизменное влияние речевой ситуации на способ воссоздания авторского текста на языке реципиента произведения. Как следует из проведенного анализа на уровне поверхностных и глубинных структур языкового и содержательного уровней, речевая ситуация представляет собой совокупность взаимовлияющих параметров и компонентов или единый центр, образующий систему форм, структур, значений и смыслов и зачастую играющий определяющую и мотивирующую роль в процессе перевода, в вопросе выбора тех или иных переводческих трансформаций, в форме подачи интерпретируемого материала. Часто переводческие преобразования оригинала, неуместные даже в контексте небольшого отрывка произведения, в макроконтексте речевой ситуации второго, третьего и четвертого поверхностных уровней, а также на глубинном – концептуальном – уровне имеют логичное обоснование.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках «русской души» // К истории идей на Западе: «Русская идея»: сб. ст. / под ред. В. Е. Багно, М. Э. Маликовой. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Изд. дом «Петрополис», 2010. С. 281-316.
2. Березина А. Г. Поэзия и проза молодого Рильке. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. 184 с.

3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Кошевая И. Г. Текстобразующие структуры языка и речи: учеб. пособие. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1983. 182 с.
5. Лысенкова Е. Л. Проза Р. М. Рильке в русских переводах. М.: Азбуковник, ИТИ Технологии, 2004. 216 с.
6. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
7. Радзивилова О. А. Текст как единство составляющих его компонентов // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. 2007. № 1. С. 150-157.
8. Рильке Р. М. Истории о Господе Боге / пер. с нем. Е. Борисова // Стихи. Истории о Господе Боге. СПб.: Евразия, 1996. С. 145-258.
9. Rilke R. M. Geschichten von Lieben Gott. Leipzig: Insel Verlag, 1936. 176 S.
10. Rilke R. M. Stories of God / transl. by M. D. Herter Norton. N. Y.: W. W. Norton & Company, 1963. 139 p.

OBJECTIVATION OF THE ROLE OF SPEECH SITUATION IN IDENTIFYING STRATEGIES OF TRANSLATIONAL TRANSFORMATIONS

Sherstneva Ekaterina Sergeevna, Ph. D. in Philology
Northeastern State University
rector@svgu.ru

In this article on the basis of the contrastive-comparative analysis of an extract from R. M. Rilke's work "From the Life of the Venetian Ghetto" and its translations into English and Russian the author reveals the relationship of the surface and deep levels of the text and their influence on the process and result of the analytical restructuring of the original text by an interpreter. The author comes to the conclusion about the appropriateness of the translational transformations of the original text motivated solely by a speech situation.

Key words and phrases: literary translation; speech situation; deep and surface structures; translational solution; author's message.

УДК 811.112.2

Филологические науки

В данной статье на материале зафиксированной в немецком языке ситуации познания запаха проводится разносторонний анализ когнитивных и прагматических закономерностей вербализации элементов событийного концепта, которые образуют его архитектурный образ. Выявляются типичные конфигурации категориальных элементов, характерные для экспликации опыта, полученного через обонятельный перцептивный канал.

Ключевые слова и фразы: ситуация познания запаха; событийный концепт; вербализация; архитектура концепта; ментальная репрезентация; категориальные узлы.

Шнякина Наталья Юрьевна, к. филол. н.
Омский государственный педагогический университет
zeral@list.ru

АРХИТЕКТУРА СОБЫТИЙНОГО КОНЦЕПТА (НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛИЗОВАННОЙ СИТУАЦИИ ПОЗНАНИЯ ЗАПАХА) ©

Событийный концепт представляет собой многомерное ментальное образование, изучающееся представителями различных наук, в том числе лингвистами [6; 8; 10; 11; 12; 15]. Рассмотрение этого феномена предполагает комплекс исследовательских действий, направленных на соотнесение единиц концептуального уровня с их языковыми объективациями. В основе построения модели событийного концепта лежит постулат о категориальном членении человеком окружающей действительности, которое закрепляется в языке. На формирование образа высказывания влияют когнитивные и прагматические факторы, определяющие архитектуру событийного концепта.

Целью данной статьи является раскрытие предпосылок структурной организации событийного концепта. В качестве материала исследования выступают текстовые фрагменты из немецких журналов, в которых описывается ситуация познания запаха. Структура статьи обусловлена следующими вопросами: во-первых, в чём заключается специфика событийного концепта как ментального образования; во-вторых, какие исследовательские процедуры направлены на выявление категориальных узлов концепта; в-третьих, что следует понимать под архитектурой концепта, и чем она обусловлена.

Одним из направлений когнитивной лингвистики является изучение ментальных репрезентаций на базе языковых фрагментов [5; 7]. Форма воплощения ментальных репрезентаций зависит от специфики отражаемого объекта (его абстрактности / конкретности, одномерности / многомерности), индивидуальных когнитивных особенностей познающего субъекта и т.д. Одним из видов ментальных репрезентаций является событийный концепт, характеризующийся наличием в его структуре категориальных узлов, под которыми